

Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме биосферы и ноосферы в трудах В.И.Вернадского, В.С.Соловьева и С.Л.Рубинштейна

English version: [Martsinkovskaya T.D. Comparative analysis of the approach to the problem of biosphere and noosphere in the works of V.I.Vernadsky, V.S.Solovyov and S.L.Rubinstein](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Представлены подходы трех ученых к проблеме всеединства, рассматриваемого как единение человека с природой, социумом и самим собой. Биосфера, ноосфера и экзисфера рассматриваются как реперные точки развития и единства человека с миром – естественным и искусственным. Раскрываются особенности понимания Соловьевым, Вернадским и Рубинштейном роли науки и искусства как факторов и условий перехода от биосферы к ноосфере, задающих веер возможностей этого перехода. Рассматриваются сходство и отличия в понимании биологического и духовного развития, личностного роста и эволюции, вариантов анализа кризисов и бифуркационных точек развития природы и культуры с точки зрения философии, биологии и психологии.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, всеединство, экзисфера, наука, искусство

Дело в том, что рост научного знания XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения.

В.И.Вернадский

Представления о биосфере и ноосфере, развиваемые в трудах В.И.Вернадского, достаточно хорошо известны, поэтому представляется важным и интересным новый дискурс анализа этой концепции – с точки зрения предшествующих и последующих сходных идей и концепций, представленных в трудах В.С.Соловьева и С.Л.Рубинштейна. Продуктивным с этой точки зрения представляется и мысль Вернадского о необходимости для современной (и не только современной для него, но и, особенно, сейчас) науки междисциплинарного подхода к изучаемой проблеме. Именно такой подход представлен в данной статье, в которой сопоставляются не только взгляды ученых, но и время, социальная ситуация развития науки и естественнонаучные, философские и психологические подходы к проблеме биосферы и ноосферы. При этом в исследовательский дискурс вводятся понятия оппонентного круга и социальной ситуации, в которой развивалась та или иная концепция,

жили и работали ученые, а также особенности их когнитивного стиля.

Сравнительный анализ проходит по трем линиям:

- идея всеединства как единения человека с природой, социумом и самим собой;
- биосфера, ноосфера и эксисфера как реперные точки развития и единства человека с миром – естественным и искусственным;
- наука и искусство как факторы и условия перехода от биосферы к ноосфере, задающие вектор возможностей этого перехода.

Идея всеединства как единения человека с природой, социумом и самим собой

Идея единства (всеединства) человека, природы и космоса принималась и Соловьевым, и Вернадским, и Рубинштейном, однако каждый из них акцентировал внимание на разных аспектах этого единства. Если для Вернадского ведущей была мысль о единении человека с природой, единстве живой материи, то для Соловьева важным было осознание связи человека с миром социальным, с миром (мирами) других людей. Для Рубинштейна же центральной стала мысль о единении человека с самим собой.

Стремление к активности и универсализму объединяли Соловьева с шестидесятниками, так как духовная структура знаменитой реформаторской эпохи была ему присуща в значительной степени. Поэтому для него так важна мысль о единстве человека с социумом, с другими людьми, которая органично встраивается в общую картину мирового единства. Но встраивалось в общую картину мирового единства. Отталкиваясь от платоновской концепции мира, Соловьев раскрывает развитие бытия в пяти царствах, показывая, что это процесс постепенного возвышения, начиная от мертвой материи и кончая разумным и нравственным царством. Его концепция возлагает на человека очень важную и сложную задачу, ибо через него идет путь повышения, развития бытия [Соловьев, 2011]. Человек наделен самосознанием, являясь высшим звеном эволюции самой природы, и поэтому может осознать направление и цель этого развития. Осуществляя в своей жизни эту высшую цель, человек стремится к совершенству, которое заключается в восстановлении и воссоединении Добра, Истины и Красоты. Соловьев считал, что мертвая материя, пройдя через среду человеческую, одухотворяется, становится живой. При этом прогресс человеческого духа совершается главным образом по одному пути – по пути личного нравственного совершенствования, ради которого свободная воля должна делать постоянные усилия. Хотя стремление к идеальному всеединству заложено, с точки зрения Соловьева, в духовной сущности человека, однако отдельный человек всегда несовершенен, а потому истинный смысл своего бытия он познает, только познавая законы всемирного процесса развития [Соловьев, 2010, 2012].

В.И.Вернадский, как и Соловьев, выделял человека из среды живых существ, считая, что с появлением человека, его разума, изменяется весь путь развития нашей планеты. Таким образом, и здесь через человека проходит вектор развития, совершенствования бытия. Однако в отличие от Соловьева, который пальму первенства отдавал нравственному развитию и самосовершенствованию, Вернадский говорит в первую очередь о разуме, знаниях человека, которые и создают ноосферу, изменяющую нашу жизнь, преобразующую нашу планету, то есть здесь человек не столько творец нравственности, сколько творец науки. При этом всеединство – это не только единство человека с живой природой. Главным отличием позиции Вернадского было понимание всеединства как связи всех элементов живой и неживой природы в единое целое. При этом ступени развития для него определялись не только становлением новых форм жизни или восхождением от неразумной к разумной, сознательной жизни, но как цивилизационные эпохи [Вернадский, 1991].

Для С.Л.Рубинштейна идея всеединства связывалась, особенно первоначально, с представлениями

Ланге о «психическом мире», о ступенях развития психики и постепенном восхождении от допсихической к сознательной жизни. Подчеркивая, что деятельность и потребности являются движущими силами этого развития, Рубинштейн сформулировал свой основополагающий принцип единства сознания и деятельности. В последних работах Рубинштейна интересовала, прежде всего, проблема единства и соотношения разных видов бытия, человека и его природного и искусственного мира. Именно здесь отчетливо прослеживается важная для ученого мысль о важности единения человека с природой и о роли природы и искусства в построении личностного пространства человека, необходимого для его саморазвития [Рубинштейн, 1957, 1973].

Таким образом, можно говорить о том, что общим для всех ученых было положение о единстве человека с живой природой и с социальным миром, все были также согласны с тем, что вектор развития мира проходит через человека, его разум, творения его рук, которые изменяют мир. Не отрицая огромную роль науки в преобразовании мира, ученые расходятся в вопросе о том, каким образом мы познаем мир и как используем (и должны использовать) полученные знания. Каковы способы познания человеком мира и его влияния на окружающий мир – природный и социальный. Эти вопросы приводят нас ко второй линии анализа.

Биосфера, ноосфера и эксисфера как реперные точки развития и единства человека с миром – естественным и искусственным

Соловьев неоднократно апеллирует к значимости и авторитету науки, говоря о том, что наука доказывает органичное единство природы и рассматривает ее как единство развивающееся [Соловьев, 2011]. Однако, с его точки зрения, понять сущность этого единства до конца наука не может, так как она не в состоянии охватить природу как органическое целое и представить весь видимый мир как продолжающееся развитие единого живого существа. Постичь суть такой целостности, по убеждению Соловьева, могут только философия и поэзия, на которых и сосредотачивается его внимание. Он называл свою концепцию мистицизмом, то есть таким воззрением, которое признает недостаточность эмпиризма и рационализма, и, не отвергая их относительной истинности, требует пополнения их другими источниками знаний, имеющимися в целом разуме. Этот иной источник есть вера, свидетельствующая нам о существовании трансцендентального мира, к которому неприменимы признаки, заимствованные из мира явлений. Поэтому, по мнению Соловьева, образующими нового этапа в развитии жизни, его «ноосферы», является как раз искусство, а не наука.

Совершенно иную точку зрения развивал Вернадский, который доказывал как раз недостаточность и неполноту философии и мистики при познании мира. Он начал работу в период разочарования философией, которая не могла объяснить многие положения современной российской действительности и показать, как она намеревалась, пути построения нового знания и новой жизни. Поворот, намеченный Соловьевым, не был полностью реализован в работах его последователей, а ситуация в начале XX века раскрывала потенциал точных наук, которые бурно и продуктивно начали развиваться в это время, в решении многих, в том числе социальных, проблем.

Вернадский подчеркивал, что философия не имеет инструментов, которые бы смогли описать и проанализировать новые открытия естественных наук, прежде всего, биологии и физики. Основное внимание Вернадского обращено на «научный аппарат», на то, что составляет основное содержание науки – научные факты и построенные на них эмпирические обобщения [Вернадский, 1991]. Повторяя слова Гете, что в науке мы можем знать только, *как* произошло что-нибудь, а не *почему* и *для чего*, Вернадский анализирует процесс формирования научного знания. Он обоснованно доказывает, что изменение науки, ее стремительный рост, «взрыв», выводящий ее на новый уровень знания о природе и мире, произошел в начале XX века и продолжает происходить в его время [Вернадский, 1991, 1993].

Интересно, что он считал, что перенос в область гуманитарной науки идей и методов естественных наук и математики невозможен, что блестяще опровергается уже современной нам ситуацией. Но его анализ причин, по которым традиционное «классическое» гуманитарное знание не может соответствовать современным научным реалиям и не может полностью объяснить новые открытия, пересматривающие картину мира, сохраняет актуальность и в настоящее время.

Для психологии научного творчества огромный интерес представляет и характерное для Вернадского противоречие между утверждением о доминировании рационального мышления, на котором строится наука, с одной стороны, и, одновременно, признание того, что одной из ошибок философии является представление о непреложности и неизменности разума. Говоря о значительных изменениях, происходящих в науке, он утверждает, повторяя, как ни странно, мысли Соловьева, что в последнее время появляется «новая своеобразная методика проникновения в неизвестное. Это как бы выраженное в виде «символа», создаваемого интуицией, то есть бессознательным для исследователя охватом бесчисленного множества фактов, новое понятие, отвечающее реальности. Логически ясно понять эти символы мы пока не можем, но приложить к ним математический анализ и открывать этим путем новые явления или создавать им теоретические обобщения, проверяемые во всех логических выводах фактами, точно учитывая их мерой и числом, мы можем». Именно такое интуитивное проникновение в прежде неизвестные миры и создает новые науки, что подтверждается и в наше время.

Тот факт, что естественные науки, математика, физика, химия, едины, *одинаковы для всех времен, социальных сред и государственных образований*, как справедливо подчеркивал Вернадский, дает им огромные преимущества перед философией и религией, которые отличаются и исторически, и социально, и, что особенно интересно, личностно, друг от друга. Именно на единстве научной мысли выстраивал Вернадский свою концепцию перехода биосферы в ноосферу [Вернадский, 2012, 1991].

Антропологизм, свойственный вообще российской науке, которая стремится получить (и, соответственно, дать) рецепты построения жизни общественной из данных, полученных естественной и гуманитарной науками, был характерен и для Соловьева, и для Рубинштейна. Но особенно явно он просматривается в работах Вернадского. Повторяя, вслед за А.П.Павловым о наступлении новой, антропогенной эры, Вернадский подчеркивал, что человек становится могучей геологической силой. Этому способствует и характер питания человека, и его социальное устройство, и, конечно, развитие его разума.

Интересно, что, предвидя наступление глобализации, характерной уже для нашей эпохи, Вернадский писал как о позитивных для перехода биосферы в ноосферу последствиях этого единения, так и его негативных последствиях. Не все из них, естественно, оправдались, многие, например рост прикладного значения науки, приобрели амбивалентный характер, некоторые, в частности идея синтеза пищи или развития творческой активности масс, не оправдались. Но одно из главных его предостережений, связанных с возможностью человечества своим трудом и мыслью перестроить биосферу, приобретает на наших глазах все большую актуальность. Вернадский писал, что новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» как современная стадия, геологически переживаемая биосферой [Вернадский, 2012]. Это новая геологическая эпоха открывает перед человеком огромные возможности. «Руководствуясь своим разумом, человек употребляет все вещество, окружающее его, – косное и живое – не только на построение своего тела, но также и на нужды своей общественной жизни. И это использование является уже большой геологической силой. Разум вводит этим путем в механизм земной коры новые мощные процессы, аналогичных которым не было до появления человека» [Вернадский, 2012, с. 221]. В то же время он подчеркивал и тот факт, что необходима гармония в отношениях человека и живой природы и, тем более, социального мира. Перестройка и развитие ноосферы не должны разрушать эту гармонию, последствия такого разрушения единства могут быть губительны для человечества.

Если последствия нарушения гармонии с живой природой для большинства людей стали ощущаться только в наше время, нарушение социального устройства особенно ясное для отечественных ученых, болезненно ощущалось ими еще в середине прошлого века. Именно это рефлексировалось Рубинштейном в его концепции экзисферы.

Переходя к анализу этой концепции, хотелось бы подчеркнуть и тот факт, что в отличие от Вернадского и Соловьева, у которых представления о сферах (ступенях) развития жизни и единстве всех элементов живой и неживой природы были открыты не только для развития, но и для взаимодействия друг с другом, позиция Рубинштейна была прямо противоположной. Он отстаивал мысль о важности обособления человека, его внутреннего мира от вмешательства других элементов мира, особенно социального мира. При этом Вернадский вслед за Фаустом Гете повторял: *Am Anfang war die Tat* – «Вначале было действие», а Рубинштейн, не отрицая значения внешней активности, отдавал приоритет активности внутренней.

Говоря о связи внутреннего и внешнего пространств, Рубинштейн считал, что внутренний мир дает основания изменить человека и человечество, но социальный мир изменить сложно, поэтому главной целью является изменение, развитие мира внутреннего, духовного. Говоря о нарушении гармонии между разными сферами действительности Рубинштейн, в отличие от Соловьева и Вернадского, подчеркивал, что самые тяжелые последствия для людей имеет нарушение внутренней гармонии [Рубинштейн, 1973]. Для Соловьева и Вернадского наиболее тяжелые последствия, напротив, имеет нарушение связи, гармонии с природой. Интересно, что в разных дискурсах, но оба ученых обращались при этом к мысли Э.Гофмана о человеке, оторванном от природы как дитя от матери и не понимающем всей опасности этого.

Рубинштейн же, хотя и подчеркивал важность природного мира, писал, что субъект остается в единственном числе как противостоящий всей сфере объективной реальности. Его стремление снять это обособление, возможно, и является одной из детерминант явно просматривающейся тенденции к воссоединению разорванных линий в развитии пространства личности и культуры. Нельзя сказать, что это ему полностью удалось и что швы между этими пространствами, между миром и человеком не видны. В своей последней, незаконченной работе «Человек и мир» он сам отмечал, что в жизни отдельного человека (например, ученого) его познавательная деятельность может оказаться обособленной от его жизни и практической деятельности [Рубинштейн, 1973]. Важным моментом уже в первых работах, посвященных проблеме восприятия пространства, является тот факт, что Рубинштейн подчеркивал не только активный характер этого восприятия, но и его личную отнесенность, избирательность, субъективность. Выбирая свои указатели и направления движения, человек создает пространство своей жизни. И это пространство жизни, хотя и непосредственно связано с реальным миром предметов и явлений, создано, сконструировано самим субъектом и несет на себе отпечаток его личности, его стремлений, интересов, пристрастий. Огромную роль в создании личностного пространства играет переживание, которое, как подчеркивал Рубинштейн, дает возможность моделировать границы пространства и соотношение предметов в нем. Анализируя эти рассуждения Рубинштейна, можно сказать о том, что личностное пространство здесь соотносится с современным понятием идентичности, также связывающей личностные и социальные параметры бытия человека в единое целое.

Конструируя свой «миропроект», свою экзисферу, Рубинштейн писал о том, что свобода должна рассматриваться не как свобода поведения в социальном пространстве, но как свобода выбора своего пути, построения своего мира, своего личностного пространства в общем социальном, историческом, культурном пространстве. При этом встает проблема выбора определенной сферы этого внешнего пространства, его переконструирования и переосмысления и включения во внутреннее пространство личности. Мир, разные виды бытия воздействуют на внутренние условия человека (его самость), вызывая определенную картину, выстраивая пространство уже личностное, субъективное, пространство субъекта, в котором отображено, как он видит, слышит, вслушивается и всматривается в этот мир. В этом личном пространстве соединено и природное, и искусственное,

культурное, переконструированное под воздействием интенций человека (его внутренних условий). И в этом пространстве бытия, которое для субъекта уже реальность и которое отгорожено границами (сознательными и неосознанными) от действительного, общего для всех пространства, человек еще сознательно строит свое пространство самореализации, в котором выражаются его интенции языком искусства, науки и т.д., то есть языком присущего ему творчества. И здесь, в процессе конструирования личного пространства, помимо рефлексии, огромную роль Рубинштейн отводит, в традициях отечественной гуманитарной науки, культуре.

Таким образом, можно констатировать, что наука дает основания для понимания и изменения природного и социального мира, тоже через человека, который и создает ноосферу. Но для саморазвития главным является экзисфера, то есть построение себя, и здесь главным, по мнению всех ученых, становится не наука, а искусство.

Наука и искусство как факторы и условия перехода от биосферы к ноосфере, задающие веер возможностей этого перехода

Идея о связи философии и поэзии лежит в основе подхода Соловьева к проблеме творчества. Описывая процесс как мирового, так и индивидуального творчества, Соловьев обращает особое внимание на его внутренний драматизм и противоречивость. Драматизм связан с конфликтом между Божественным началом, Логосом и первобытным хаосом, победа над которым достигается в союзе Логоса и Софии. Ареной драматической борьбы между Логосом и хаосом является не только мировая душа – София, но и душа человека. Они вступают в союз с Логосом потому, что хаос, неопределенность являются для них мучительными, разрывая душу на части своей противоречивостью и внутренним напряжением [Соловьев, 2010, 2012]. И именно творчество, созидание является оптимальным выходом из этого конфликта. Таким образом, идеи о катарсисе, связанном с творческим процессом, так же как и мысли о внутренних конфликтах, борьбе мотивов, происходящих в душе и отражающихся в художественном творчестве, были близки и Соловьеву. При этом у него художественное творчество, искусство соединяется с идеей нравственного развития человека, помогая его продвижению по этому пути.

В его трактовке искусство помогает превращению неидеальной действительности в идеальную. Поэт оказывается проводником воздействия и единения человека с природой. Поэтому истинное художественное творчество упраздняет противоречие между идеальным и чувственным, между духом и вещью, приближая и творца, и слушателя (зрителя) к идеальному, разумному и нравственному миру.

О ценности художественного творчества и искусства писал и Вернадский. В то же время для него искусство не является способом разрешения конфликтов и противоречий. Для него идея всеединства – мира и человека, представляет собой открытую систему, а потому в такой системе меньше опасности «перегрева», трагических конфликтов, и, соответственно, больше возможностей для синергетических, а не энтропийных, тенденций. В то же время, понимая, что человек с его сложным внутренним миром, духовностью не исчерпывается только рациональными аспектами, и при этом отрицая и философию, и религию, Вернадский, как и Соловьев, и чуть позже Рубинштейн, обращается к искусству, которое гармонично сочетается с точной наукой [Вернадская-Толль, 1988]. Возможно, именно такое гармоничное сочетание он видел в фигуре Гете – ученого, политического деятеля и, конечно, великого художника. Неудивительно поэтому, что к личности и творчеству Гете Вернадский неоднократно обращается в своих работах и ему посвящает одно из наиболее интересных своих сочинений [Вернадский, 1946].

Говоря о том, что наука первоначально развивалась из поэзии, Вернадский подчеркивал, что ученые тоже фантазеры и художники, они не вольны над своими идеями и могут хорошо работать только

над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. Поэтому и художники, и ученые – звенья мировой гармонии. Гете, который стремился охватить и понять, частично даже синтезировать научную и художественную работу, стремился понять и себя. Поэтому, считал Вернадский, он вел всю жизнь дневники, которые помогли ему восстановить в старости свое прошлое и настоящее в единое целое.

В понимании себя, так же как в восстановлении нарушенной гармонии человека с природой, по мнению Вернадского, больше всего помогает музыка. Только музыка способна «выразить невыразимое», создать бессловесный язык, который сможет передать все переживания внутренней духовной жизни человека, которые не могут быть выражены обычным языком. Музыка и природа, по его мнению, тесно связаны между собой не только наличием особого языка, но и воздействием на человека, так как и природа вносит гармонию в душу людей. Он писал, что всякий, кто когда-нибудь с открытыми глазами, свободным умом и сердцем побывал наедине с природой, тот ярко и ясно чувствовал эту неразрывную связь с остальным миром.

Интересно, что в своих работах Вернадский рассматривал роль искусства не только в восстановлении гармонии, но и в формировании когнитивного стиля ученого. Помимо когнитивного стиля он анализировал и историческую, социальную ситуацию развития науки, ее влияние на особенности выбранной ученым (и поэтом, в случае с Гете) проблематики. Все эти параметры, которые были позднее сформулированы уже в работах М.Г.Ярошевского, отчетливо видны в творчестве Рубинштейна.

Помимо оппонентного круга, от которого отталкивался Рубинштейн в своем понимании искусства, сыграли и социальная апперцепция, факты его личной жизни, постоянно ставящей перед ним задачу выстраивания своего личного пространства именно как убежища от давления окружающих. Поэтому для Рубинштейна культура становится не только и не столько образующей самосознания субъекта, сколько образующей его личностного пространства, индивидуализации этого пространства через искусство, которое воспринимается человеком и, в свою очередь, перерабатывается им и воспроизводится в новом ракурсе, в новой креативной картине, образуя взаимосвязь восприятия и творчества. Это пространство можно условно назвать экзисферой (от экзистенция, самость), так как в понимании онтологичности и сложности процесса формирования этого пространства Рубинштейн следует как за западной, экзистенциальной традицией, так и за традицией отечественной науки, точнее, работами В.С.Соловьева и В.И.Вернадского. Экзистенциалисты подчеркивали невозможность разделения субъекта и объекта, внутреннего пространства от внешнего, так как они слиты в человеке, который должен быть органичен, и в то же время вставать над бытием в своем осознании этого бытия. Рубинштейн в своих рассуждениях идет дальше, говоря о том, что человек в процессе познания, опираясь на созданные культурой и зафиксированные искусством знания, создает свой индивидуальный мир, который соединяет мир внутренний и мир внешний в своеобразное пространство личности – в экзисферу.

Заключение

Идея В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере, как и мысли Рубинштейна о личностном пространстве, соединяющем внешнее и внутреннее, являются в определенном смысле продолжением концепции Соловьева о разных уровнях бытия. У Рубинштейна, как у Соловьева и Вернадского, через человека проходит вектор развития, совершенствования бытия. Однако в отличие от Соловьева, который пальму первенства отдавал нравственному развитию, и Вернадского, который говорит в первую очередь о разуме, знаниях человека, у Рубинштейна человек не только творец нравственности и науки, то и творец нового пространства, соединяющего в гармонии природное, культурное и индивидуальное бытие в личностное пространство, в экзистенциальную сферу. Это новое пространство было не только созвучно индивидуальности человека, его творческой природе, но и открывало перед ним возможности самореализации. Поэтому уже в творчестве, в активной деятельности субъекта, происходит новое объединение

разных пространств бытия. Это, по мнению Рубинштейна, давало возможность осуществлению детерминации и одновременно сохраняло свободу воли, свободу выбора человека.

В.И.Вернадский писал, что каждое поколение должно вновь самостоятельно пересматривать прошлое научного знания, так как многое становится ясным и понятным лишь потомкам, иногда отдаленным. Рассматривая подход к проблеме всеединства и развития, становления разных пространств жизни, в том числе и бытия человека, можно говорить о том, что, несмотря на существенные различия, все три концепции являются, по определению Т.И.Райнова, синтетическими. Они отличаются не только шириной охвата описываемых явлений, так как ширина охвата может быть и при систематизации изучаемого материала. Но научное мышление, научный аппарат, по терминологии Вернадского, этих ученых проявляет широту в открывании новых перспектив, в создании новых точек зрения, не только объединяющих и систематизирующих уже открытые, известные факты, но и проливающих на них свет с новых сторон, открывающих дорогу для ученых следующих поколений.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-00640 «Культура как образующая личности: современные тенденции и механизмы».

Литература

Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету. Прометей: Историко-биографический альманах, 1988, No. 15, 120–131.

Вернадский В.И. Из истории идей. М.: Типография т-ва И.Н.Кушнерова, 1912.

Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте. Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы, отд. геологии, 1946, 21(1), 5–52.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

Вернадский В.И. Автотрофность человечества. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Издательство академии наук СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Академический проект, 2010.

Соловьев В.С. Три разговора. М.: АСТ, 2011.

Соловьев В.С. Духовные основы жизни. М.: Директ-Медиа, 2012.

Поступила в редакцию 15 сентября 2013 г. Дата публикации: 18 февраля 2014 г.

Сведения об авторе

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме биосферы и ноосферы в трудах В.И.Вернадского, В.С.Соловьева и С.Л.Рубинштейна. Психологические исследования, 2014, 7(33), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме биосферы и ноосферы в трудах В.И.Вернадского, В.С.Соловьева и С.Л.Рубинштейна // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/928-martsinkovskaya33.html>

[К началу страницы >>](#)